

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

Панславизм и тема славянства в русской философии XIX века в оценке

Томаша Масарика

Пеков Алексей Владимирович

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Философский

факультет, Москва, Россия

E-mail: sognatore-di-mare@yandex.ru

Поиски универсальной формулы основ национального бытия и борьба за смысл чешской истории выступали центром напряжения всего философского творчества, социологических исследований и политической деятельности чешского и словацкого философа и общественного деятеля Томаша Гаррига Масарика. Искомое коренное начало чешского народа, политически зависимого от австрийских Габсбургов и культурно подавляемого агрессивным пангерманизмом — обозначаемые по-чешски как *humanita* и *lidskost* идеи гуманизма и человечности, воспетые движением «будителей». Малая нация, не относящаяся к строительницам великих держав, без деятельного притязания на всеобщее, всечеловеческое, а именно подлинные ценности неотъемлемой свободы как индивида в его интеллектуальной деятельности, так и целых народов в самостоятельном определении конкретно-исторических форм своего существования в качестве будь то автономных или федеративно-ассоциированных целых, осознание себя составной частью единого организма человечества — превращается в недоразумение. В своем идеальном пределе истинно национальное тождественно универсально-всечеловеческому, что автоматически делегитимизирует захватнические поползновения и экспансионизм, этнокультурное подавление и дискриминацию других народов по любым признакам.

Вызванное к жизни германофобскими опасениями, содержательно утопично-некритичное русофильство, выражавшееся в почти инстинктивном уповании на решающую роль России в решении участи всех славянских народов, — именно так Томаш Масарик оценивал популярные в среде австро-венгерских славян смутные панславистские чаяния, которые в решающий для их исторических судеб момент распада дуалистической монархии обернулись неоформленным мыслительным брожением. Чешский философ, испытавший в юности влияние бытовавшего в среде образованной патриотичной молодежи подобного романтизированного русофильства, впоследствии придерживался более взвешенной и политически конкретной программы австрославизма чешских лидеров 1848 года Ф. Палацкого и К. Гавличка (т.н. «малого» панславизма, предусматривавшего этнокультурную автономию славянского населения в составе Австро-Венгрии при ее сохранении). Позже на страницах своего россиеведческого труда «Россия и Европа» Масарик впервые высказывается в пользу необходимости разработки научной (в смысле позитивной) философии национальности, построенной на критически апробированном материале этнографии, экономики, сравнительного языкознания и не являющейся косвенным продуктом оголтелого патриотизма и национализма. В частности, подобная позитивная модель предполагает терминологическое разграничение понятий «народ» и «нация», часто необоснованно и некритично подменяемых одно другим, как например в творчестве славянофилов.

Представители «московского кружка», по мнению Масарика, ни при каких условиях не смогли бы примкнуть к политическому крылу панславизма в силу ряда причин: из-за склонности подводить под основу русской культуры православие как национальную религию, из-за тождественного официозному неприятия славян-католиков (поляков, чехов, словаков, хорватов и словенцев) и скепсиса относительно польского вопроса. Масарик уделяет особое внимание тому факту, что славянофилы были склонны видеть в славянском начале мощный источник антиевропейского мировоззрения, аргументация в пользу которого зиждется исключительно на религиозной основе. Пражский профессор с сожалением констатирует, что четкой демаркации таких понятий, как «народ», «нация» и «национальность», научной разработке проблемы национальной политики в полиэтнических государствах не было отведено подобающего места в творчестве славянофилов. Вслед за своими учителями, Шеллингом и Гегелем, славянофилы сформулировали по преимуществу националистическую историософию, которая, при сохранении дистанции от откровенного шовинизма, вследствие своей легитимистской аполитичности смыкалась с теократической доктриной официальной народности.

Другому русскому «теократу» в классификации Масарика К.Н. Леонтьеву славизм в силу своей незрелости и туманности представлялся подобием сфинкса, в то время как панславизм он определял как утилитарный и либеральный идеал, который следует отвергнуть ради поддержания раздробленного и неорганизованного положения славянских народов, обеспечиваемого властью абсолютистской Австрийской империи. Как представитель западнославянского этноса чешский философ Масарик очень чувствительно реагирует на небратские выпады Леонтьева против слишком либеральных чехов и поляков, помимо прочего принадлежащих к Римско-Католической Церкви, не включенных в культурное пространство византийской традиции, и зараженных веяниями европейского парламентаризма южных славян. Очевидно, что Леонтьев и прочие русские консерваторы больше заняты превознесением исторических достижений и проповедью незыблемости собственно русского православия как смысла существования России, нежели способны заботиться о единении трех ветвей славянства в общественно-политическом плане – панславизм как идея славянской взаимности и взаимопомощи им чужд.

Примечательно, что панславизм как очарование молодым и довольно свежим славянским культурным субстратом обязан своим возникновением Иоганну Гердеру, воспевавшему «голубиный», ненасильственный и якобы исконно демократичный характер славян по контрасту с романскими и германскими народами Европы. Масарик не находит достаточных объективных оснований в подобных ожиданиях исторических свершений славян; ему явно импонирует отход таких деятелей чешского национального возрождения, как Ф. Палацкий и К. Гавличек от панславизма в сторону непосредственно чешской проблематики. Панславизм в николаевской России воспринимался как угроза легитимации сложившегося политического порядка и негласной имперской солидарности в Европе, поэтому интерпретация его правящими кругами как революционной программы, угрожающей почвеннической теории официальной народности, отнюдь не курьезна и не удивительна. Панславизму в России не суждено было стать потенциальной программой политической консолидации всех, невзирая на конфессиональные различия, славянских народов: он вошел в историю как пускай и резонансная, но во многом просто отвлеченно-прекраснодушная проповедь о необходимости оказания помощи

братским православным народам Балкан во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг.

Консервативному флангу русской философии XIX века, как убедительно доказал Томаш Масарик, не хватило в целом интернационалистских интенций для адекватного и симметричного восприятия панславистских ожиданий европейских славян. Импликации неразрешенного на тот момент, но назревшего вопроса об исторической будущности польского народа, разорванного границами трех иноязычных империй, также послужили прямым препятствием на пути усвоения и плодотворного осмысления реальной проблематики славянства и панславизма. Неслучайно, что в ходе Первой Мировой войны Масарик-политик отбросил проект широкой славянской федерации как геополитическую химеру, что было прямым следствием скептического взгляда Масарика-мыслителя на ее осуществимость.

Литература

1. Масарик Т.Г. Россия и Европа. Том II. СПб.: РХГИ, 2004.
2. Funda A. Otakar. T.G. Masaryk. Sein philosophisches, politisches und religiöses Denken. Bern, 1978.
3. Krejčí Oskar. Geopolitics of the Central European Region. The View from Prague and Bratislava. VEDA. Publishing House of the Slovak Academy of Sciences. Bratislava 2005.
4. Machovec Milan. Tomáš G. Masaryk. Praha: Melantrich, 1968.
5. Wellek René. The Philosophical Basis of Masaryk's Political Ideals. Ethics, Vol. 55, No4 (Jul., 1945). The University of Chicago Press.

Слова благодарности

Автор благодарит профессора, д.ф.н. Маслина М.А. за помощь в подготовке тезисов.